

Говард Филлипс Лавкрафт

Он (He)

Я встретился с ним в бессонную ночь, когда, боясь за свою душу и разум, в отчаянии брел по улице. Мой приезд в Нью-Йорк оказался ошибкой. Ища что-нибудь любопытное и воодушевляющее в бесконечных лабиринтах древних улочек, которые крутились между одними забытыми дворами, площадями и гаванями и другими забытыми дворами, площадями и гаванями, а также в циклопических современных башнях, встающих, наподобие вавилонской, черными тенями под убывающей луной, я нашел лишь страх и угнетенное состояние духа, которое угрожало завладеть мной, парализовать меня и уничтожить.

Разочарование нарастало постепенно. В первый раз я увидел город в сумерках с моста, и он показался мне сказочно великолепным со всеми своими пиками и пирамидами, похожими на нежные цветы, поднимающиеся над фиолетовым туманом, чтобы поиграть с огненными облаками и первыми вечерними звездами. Потом он принялся зажигать одно окно за другим над мерцающей морской водой, на которой покачивались и скользили фонари и басовитые гудки создавали причудливую гармонию, и сам стал звездным сводом мечты, навевающим воспоминания о сказочной мелодии, и таким же чудом, как Каркассон, Самарканд и Эльдorado и все остальные величайшие и полулегендарные города. Вскоре остались позади дорогие моему сердцу древние улочки, узкие, вертлявые, застроенные домами из красного кирпича в георгианском стиле с маленьким слуховым окошком над парадным входом с колоннами, которые сверху посматривали на золотившиеся портшезы и деревянные кареты, и едва меня озарило это желанное видение, как я подумал, что наконец-то обрел богатства, которые со временем сделают из меня поэта.

Однако успеху и счастью не суждено было одарить меня собою. В ослепительном дневном свете бесконечные каменные подъемы, которым луна придавала колдовское очарование, стали убогими и нелепыми, а люди, толпами сновавшие по улицам-желобам, казались мне толстыми смуглыми незнакомцами с замкнутыми лицами и узкими глазами, злобными чужаками без мечтаний и родства с окружающим их пейзажем, не имеющими ничего общего с голубоглазым мужем давних времен, который в душе любил зеленые лужайки и пирамидальные крыши белых новоанглийских деревень.

Итак, вместо поэмы, о которой я мечтал, у меня была лишь внушающая дрожь чернота и невыразимое одиночество, и я наконец понял страшную правду, о которой до меня никто даже помыслить не смел, – непроизносимую тайну тайн. Я понял, что этот город из камня и шума не является естественным продолжением старого Нью-Йорка, как Лондон – старого Лондона или Париж – старого Парижа, и что на самом деле он мертвый, а его распростертое тело плохо забальзамировано и кишит странными живыми существами, которые не имеют ничего общего с теми, что населяли его при жизни. Сделав это

открытие, я потерял сон, правда, потерянный покой отчасти возвратился ко мне, стоило мне понемногу выработать в себе привычку днем держаться подальше от улиц и выходить только по вечерам, когда темнота возвращает обратно то небольшое из прошлого, что еще, подобно привидению, бродит поблизости, и старые белые двери домов вспоминают дюжих молодцев, входивших в них. Ощувив некоторое облегчение, я даже написал несколько стихотворений и все еще удерживался от возвращения домой, считая, что еще не потерпел поражения, которое только и могло заставить меня позорно уползти обратно.

В одну из таких бессонных ночей я встретил его. Это случилось в нелепом дворе на отшибе Гринвича, где я в своем невежестве поселился, считая этот район естественным обиталищем поэтов и художников. Архаичные дорожки и дома, площади и дворы в самых неожиданных местах пленили меня, и, даже обнаружив, что поэты и художники всего лишь громко кричат, но на самом деле их эксцентричность – одна мишура, да и всем своим образом жизни они отрицают ту самую чистую красоту, которая только и может быть поэзией и искусством, я все равно из любви к ним остался в Гринвиче. Мне представлялось, что тут было поначалу, когда Гринвич еще представлял собой мирную деревушку, не поглощенную городом, и в предрассветные часы, когда даже все пьяницы отправлялись по домам, я в одиночестве бродил, исследуя таинственные закоулки и естественные наслоения, которые оставили на этом пространстве поколения и поколения людей. Моя душа оживала, и я давал волю мечтам и видениям, которые жадно требовал от меня живший во мне поэт.

Мы встретились пасмурной августовской ночью, часа в два, когда я гулял по задворкам, соединенным между собой неосвещенными коридорами домов и когда-то составлявшим бесконечную сеть живописных аллей. До меня дошли о них какие-то неясные слухи, и я понимал, что не отыщу их ни на какой современной карте, однако самая их забытость привлекала меня, и я принялся разыскивать их с удвоенной энергией. Теперь, когда я их нашел, мое любопытство не знало предела, ибо нечто в их расположении неясно намекало, будто они всего-навсего малая часть темных и сырых дворов, вклинившихся таинственным образом между высокими глухими стенами и за опустевшими труппами или спрятавшихся за неосвещенными арками, чей покой не нарушают иноязычные орды, так как его оберегают хитрые и неразговорчивые художники, чье искусство не требует публичности и дневного света.

Он со мной разговаривал, но никуда не пригласил меня, хотя мимо его внимания не прошли ни мое настроение, ни взгляды, которые я бросал на крылечки с железными поручнями и на двери с дверными молотками. Неяркий ажурный свет из окон падал на мое лицо, зато сам он стоял в тени в своей широкополой шляпе, которая отлично сочеталась с его вышедшим из моды плащом, правда, еще до того, как он обратился ко мне, я ощутил некоторое смятение. Он был очень худ – почти до истощения, и его тихий, едва слышный голос формировался где-то на самом верху дыхания. Он сказал, что уже несколько раз видел меня, и добавил, будто я напоминаю ему его самого своей любовью к старым руинам. Потом он спросил, не буду ли я возражать против сопровождающего, который отлично знает свое дело, да и владеет куда большей информацией, чем может получить новичок.

Когда я заговорил, то на мгновение увидел его лицо в желтом луче из одинокого чердачного окошка. Это было благородное, даже красивое, но немолодое лицо с утонченными чертами, которых никак нельзя было ожидать в этом месте и у человека его возраста. Его лицо понравилось мне, хотя было в нем нечто такое, от чего я пришел в смятение, наверное, оно показалось мне слишком бледным, или слишком бесстрастным, или никак не соответствующим здешнему окружению, чтобы я ощутил покой и доверие. Тем не менее я последовал за ним, потому что в то ужасное время моя душа жила лишь страстью к старинной красоте и тайне, и я счел щедрым подарком судьбы возможность заполучить в сопровождающие того, чьи изыскания наверняка превосходили мои.

Что-то в той ночи удерживало моего закутанного в плащ спутника от разговоров, и почти час мы шли почти в полном молчании, лишь изредка прерываемом комментариями, касавшимися старинных имен и дат, а также перемен, но в основном он жестами указывал мне на незаметные проходы, на коридоры, которые мы одолевали на цыпочках, на кирпичные стены, которые приходилось перелезать, и один раз на кирпичный туннель с крутыми поворотами, по которому мы долго ползли на четвереньках, отчего я потерял всякое представление о нашем местоположении. Все, что мы видели по пути, было очень старым и красивым, или по крайней мере мне так казалось в неверном свете, однако я никогда не забуду шатающихся ионических колонн, пилястров с желобами, оградных железных столбов с урнами наверху, окон с перемычками и декоративных фонарей, которые становились все причудливей по мере того, как мы углублялись в неисчерпаемую старину.

Мы никого не встретили по пути, и, по мере того как время шло, освещенных окон становилось все меньше и меньше. Уличные фонари были керосиновыми и старинной ромбовидной формы. Позднее я заметил несколько фонарей со свечами, и в конце концов, одолев страшный неосвещенный двор, где мой провожатый в полной темноте направлял меня рукой в перчатке к узкой деревянной калитке в высокой стене, мы вышли на аллею, освещенную фонарями, поставленными перед каждым седьмым домом, и это были настоящие фонари в колониальном стиле с коническим верхом и дырками на каждой стороне. Аллея круто шла вверх – круче, нежели я мог предположить в этой части Нью-Йорка, – и в верхней части упиралась в увитую плющом ограду частного владения, за которой я рассмотрел светлый купол и верхушки деревьев, покачивавшихся на фоне бледного неба. Мой проводник достал тяжелый ключ и открыл низкую арочную калитку из почерневшего дуба с вбитыми в него гвоздями. Показывая мне дорогу, он шагал в темноте по, насколько я понял, гравийной дорожке, приведшей нас к каменной лестнице и к двери в дом, которую он отпер и распахнул передо мной.

Мы вошли, и мне сразу же стало дурно от повеявшего на нас запаха плесени, скопившейся здесь за несколько веков нездорового гниения. Мой хозяин, по-видимому, ничего не заметил, а я из чувства приличия промолчал, когда он повел меня по винтовой лестнице, потом по коридору и в комнату, заперев, как я слышал, за нами дверь. Потом я увидел, как он задергивает шторы на трех маленьких окошках, ясно различимых на фоне светлеющего неба, идет к камину, ударяет кремнем об огниво, зажигает две свечи на канделябре для двенадцати свечей и делает жест, требующий от меня молчания.

В полумраке я разглядел просторную и отлично меблированную библиотеку примерно первой четверти восемнадцатого столетия с великолепными дверными фронтонами, прекрасным дорическим карнизом и чудесным резным камином, заканчивавшимся наверху урной с завитками. Над переполненными книжными полками на одинаковом расстоянии друг от друга висели на стенах отличные фамильные портреты, потемневшие, таинственные и имевшие явное сходство с человеком, который жестом пригласил меня сесть в кресло возле изящного стола в стиле чиппендейл. Прежде чем устроиться напротив меня, мой хозяин помешкал, словно чем-то смущенный, но потом медленно стянул с себя перчатки, широкополую шляпу, плащ и театрально застыл, с головы до ног облаченный в костюм времен короля Георга – парик, кружева, бриджи, шелковые чулки и туфли с пряжками, которых я раньше не заметил. Не спеша опустившись в кресло с гнутой спинкой, он принялся внимательно меня разглядывать.

Без шляпы он показался мне очень старым, хотя прежде это не так бросалось в глаза, и я подумал, уж не стала ли причиной моего смятения не осознанная мною печать его уникального долгожития. Когда он наконец заговорил, его тихий, как будто пустой, тщательно смодулированный голос то и дело начинал дрожать, а я время от времени испытывал большие трудности в понимании его речей, в которые вслушивался с изумлением и почти нескрываемым страхом, возраставшими с каждым мгновением.

– Сэр, вы видите перед собой, – заявил мой хозяин, – человека с эксцентричными привычками, которому нет нужды извиняться за свой костюм перед гостем с вашим умом и вашими наклонностями. Подвергая сомнению лучшие времена, я не решился их принять, даже их платье и привычки, что не может никого обидеть, если не вести себя бесцеремонно. Мне очень повезло сохранить за собой городское гнездо моих предков, хотя бы поглощенное двумя городами, сначала Гринвичем, который начал строиться тут после 1800 года, а потом Нью-Йорком, соединившимся с ним около 1835 года. У моей семьи было много причин держаться за свой дом, и я остался верен моим обязательствам перед предками. Сквайр, которому дом достался в 1768 году, изучал кое-какие искусства и сделал кое-какие открытия, связанные именно с этим местом и требующие строгого присмотра. Некоторые любопытные вещи я намерен показать вам, однако буду требовать от вас соблюдения тайны. Надеюсь, меня не подвело мое знание людей и я не ошибся в вашем стремлении узнать нечто новое и в вашем умении молчать.

Он помедлил, и я кивнул ему. Я уже говорил, что боялся, и все же для моей души не было ничего ужаснее, чем реальная дневная жизнь Нью-Йорка. Будь этот человек безвредным чудачком или владетелем опасной тайны, я все равно последовал бы за ним, желая удовлетворить мою жажду чуда, что бы он ни пожелал мне предложить. Я слушал его.

– Этот... мой предок, – тихо продолжал он, – приобрел некоторые совершенно замечательные качества человеческой воли, такие качества, о которых почти никто не подозревает, но которые имеют власть над поступками не только любого человека, но и над всеми силами и материями Природы, над элементами и пространствами, выходящими за границы Природы. Позволю себе сказать, что он пренебрег святостью пространства и времени и довольно странным образом использовал обычаи краснокожих индейцев, которые когда-то жили на этом самом месте. Индейцы

разгневались, увидев, как здесь все застроили, и настойчиво потребовали, чтобы их пускали сюда в полнолуние. Много лет они каждый месяц, если могли, перелезали через стену и творили свои обряды. В '68 году новый хозяин застал их за этим как-то ночью и, замерев, долго наблюдал за ними. Потом он заключил с индейцами договор. Он отдавал им свободные земли взамен их знаний, которые они частично получили от своих краснокожих предков, а частично от старого голландца времен Генеральных штатов. Оторвать бы ему голову, ибо, боюсь, он сыграл с ними жестокую шутку, не знаю уж, нарочно или не нарочно, но через неделю после того, как он узнал тайну индейцев, он стал единственным человеком на всей земле, который ее знал. Вы, сэр, первый, кому надлежит узнать ее, и будь я проклят, если рисковал напрасно, суясь в... а вас еще не проняло от головы до пяток?

Я и впрямь содрогнулся, услышав совсем другую речь, а он продолжал:

– Знайте же, сэр, что тот... сквайр... получил от индейских ублюдков лишь малую часть того, что мог бы иметь. Он не впустую просиживал штаны в Оксфорде и не зря вел разговоры со старым аптекарем и астрологом в Париже. В конце концов он уразумел, что весь мир не более чем дым нашего разума. Дураку он нипочем, а умный вдыхает и выдыхает его, как настоящий вирджинский табак. Если мы чего-то хотим, мы это получаем, если не хотим – выдуваем прочь. Не скажу, что все оно в точности так есть, но этого хватает, чтобы время от времени устраивать веселенькие представления. Уверяю вас, вы получите больше, чем можете вообразить, так что перестаньте бояться, и я вам покажу кое-что... Идите к окну и стойте тихо.

Мой хозяин за руку подвел меня к одному из двух окошек на длинной стене зловонной комнаты, и мне стало холодно, едва он коснулся меня своими голыми пальцами. Его сухая и твердая кожа была ледяной, и я чуть не отшатнулся от него. Но вновь мне пришло в голову, как пуста и страшна реальная жизнь, поэтому я собрал в кулак все свое мужество, собираясь следовать за ним куда угодно. Подойдя к окну, он раздвинул желтые шелковые занавески и приказал смотреть прямо перед собой. Поначалу я ничего не увидел, кроме мириад крошечных пляшущих огоньков вдали. Потом, словно подчиняясь незаметному движению руки моего хозяина, передо мной разгорелся пожар, и я стал смотреть на море пышной зелени – чистой зелени, а не на море крыш, которое ожидал увидеть. Справа зловеще сверкал Гудзон, а вдалеке прямо передо мной нездоровым сиянием исходило большое соляное болото, все в созвездиях беспокойных светляков. Когда видение погасло, зловещая улыбка появилась на восковом лице старого некроманта.

– Это было до меня... до нового сквайра. Давайте попробуем еще раз.

Я совсем ослабел, был даже слабее, чем после встреч с проклятым современным городом.

– Бог ты мой! – прошептал я. – И ты можешь это в любое время?

Он кивнул и показал черные корешки когда-то желтых клыков, а когда я ухватился за занавеску, чтобы не упасть, он поддержал меня своим ужасным ледяным прикосновением, после чего опять показал на окно.

Вновь показались огоньки... Но на сей раз вид из окна не был мне совсем незнаком. Это был Гринвич, обыкновенный Гринвич, каким он должен был быть, со своими крышами, домами и прелестными зелеными лужайками. Вдалеке все так же светилось болото, а еще дальше я увидел шпили того, чем тогда был Нью-Йорк. Церковь Святой Троицы, собор Святого Павла и Кирпичная церковь доминировали над своими братьями и сестрами, а над всем этим витал слабый запах костра. Я тяжело дышал, но не столько из-за увиденного, сколько из-за того, что подсказывало мне мое воображение.

– Ты можешь... ты смеешь... еще дальше? – спросил я со страхом, и мне показалось, что он тоже испугался на мгновение, но тотчас злобная усмешка растянула его губы.

– Дальше? От того, что я видел, не стать бы тебе дурацким булыжником! Назад, назад... вперед! Вперед... Смотри, как бы тебе не пожалеть!

Я почти не слышал его, когда он вновь шевельнул рукой и небо засверкало еще ярче, чем раньше. Целых три секунды я смотрел на демоническое зрелище, и в эти секунды я видел пространства, которые потом стали мучить меня в моих снах. Я видел небеса, населенные странными летающими существами, а внизу адский черный город с гигантскими каменными террасами, с воздвигнутыми на них богопротивными пирамидами, по-дикарски взмывающими к луне, со множеством дьявольских огней, горевших в бесчисленных окнах. Я увидел кишачих на воздушных галереях желтых косоглазых жителей города в отвратительных оранжевых и красных одеяниях, плясавших как сумасшедшие под грохот разгоряченных литавр, непристойный стук кастаньет и маниакальный стон труб, который то бесконечно возвышается, то неожиданно падает, как волны нечестивого асфальтового океана.

Я это видел и слышал мысленным слухом дьявольскую какофонию. Это было шумное воплощение того ужаса, который город-труп когда-либо пробуждал в моей душе, и, забыв о приказе молчать, я кричал, и кричал, и кричал, дав волю своим нервам, так что стены шатались вокруг меня.

Когда огонь погас, я увидел, что мой хозяин тоже дрожит, и отчаянный страх сменил на его лице змеиный гнев, вызванный моими криками. Он пошатнулся и ухватился за занавеску, как я прежде, и дико затряс головой, словно загнанный зверь. Бог свидетель, у него были на это причины, ибо, едва стихли мои крики, как мы услышали другой звук... адский звук... так что только онемевшие чувства сохранили мне разум и не позволили потерять сознание. Долго и воровски скрипели ступени за запертой дверью, словно по ним поднималась босоногая или обутая в кожу орда, и наконец послышался тихий стук медного запора, поблескивавшего в слабом свете свечи. Старик зашипел на меня, раскачиваясь вместе с занавеской, которую он не выпускал из рук.

– Полнолуние... будь ты... ты... крикливый пес... Ты призвал их, и теперь они пришли за мной! Они в мокасынах... мертвые... Бог вас проклянет, красные дьяволы, потому что я не травил ваш ром... Разве я не хранил вашу проклятую тайну? Вы сами заболели, проклятые, и благодарите за это сквайра... Уходите! Не трогайте задвижку!.. Нет у меня ничего...

В это мгновение три легких, но настойчивых удара потрясли дверь, и белая пена потекла по подбородку обезумевшего от страха старика. Однако, несмотря на страх и отчаяние, он помнил обо мне и сделал шаг к столу, на который я опирался. Занавеска, которую он все еще сжимал в правом кулаке, натянулась и сорвалась с карниза, впустив в комнату лунный свет. Небо светлело на глазах. В зеленоватых лучах луны побледнел свет свечей, и новая волна гниения залила комнату с ее поеденными червями панелями, покосившимся полом, разрушенным камином, расшатанной мебелью и рваными занавесками. Она накрыла и старика тоже, то ли потому, что он был един с нею, то ли из-за его страха, но я видел, как он сморщивается и чернеет, стараясь ухватить меня своими хищными когтями. Только его глаза оставались прежними, и они горели и все сильнее разгорались на его лице, которое обугливалось и уменьшалось.

Стук повторился настойчивее, чем вначале, и на этот раз в нем был звук металла. От черного существа передо мной осталась только голова с глазами, но все равно оно тщетно пыталось одолеть разделявшее нас расстояние, извергая из себя бессмертную злобу. В прогнившую дверь застучали сильнее и чаще, и я увидел сверкнувший в щели томагавк. Я не двигался с места, потому что не мог пошевелиться, но не сводил глаз с отлетавших от двери щепок. Потом она распахнулась, и в комнату ввалилось нечто огромное, бесформенное, чернильно-черное, сверкающее злыми глазами. Оно растеклось, словно масляный поток, по комнате, перевернуло кресло, заползло под стол и наконец добралось до черной головы с горящими глазами, все еще не сводящими с меня грозного взора. Оно поглотило голову и тотчас начало отползать назад, унося с собой свою добычу и не касаясь меня, хлынуло в дверь, вниз по невидимой лестнице, которая опять стала скрипеть, но теперь все тише и тише.

Пол провалился, и я оказался в комнате внизу, весь в паутине и еле живой от страха. Зеленая луна светила в разбитые окна, и я увидел полуоткрытую дверь, а когда вскочил на ноги и отряхнулся, то мимо проскочила ужасная черная масса со множеством горящих глаз. Она искала дверь в подвал и, найдя, исчезла. Мне показалось, что пол подо мной начинает проваливаться, как провалился пол верхней комнаты, и едва до меня донесся грохот сверху, как мимо окошка на западной стене пролетело нечто, очень напоминающее купол. У меня оставалось всего несколько мгновений, и я бросился к входной двери, но не смог ее открыть, тогда схватил стул и, выбив окно, торопливо вылез на неряшливую лужайку с высокой, в ярд, травой и кустами, над которыми плясали лунные лучи. Стена была слишком высокой, ворота заперты, однако я заметил несколько ящиков и, составив их в углу, умудрился забраться наверх и ухватиться за большую каменную урну.

В моем тогдашнем изнеможении я видел лишь странные стены, окна и старинные крыши. Крутую аллею я не мог отыскать, да и то, что еще было видно, быстро покрывалось туманом, встававшим от реки, несмотря на сверкавшую луну. Неожиданно урна, к которой я прилепился, закачалась, словно разделяя мое собственное состояние, и в следующее мгновение я уже падал вниз, мысленно готовя себя к самой страшной участи.

Нашедший меня мужчина сказал, что я, верно, долго полз, несмотря на переломанные кости, потому что кровавый след тянулся за мной, сколько хватало глаз. Подоспевший

дождик смыл кровь, и в отчетах было сказано только, что я появился неизвестно откуда возле входа в черный двор недалеко от Перри-стрит.

Больше я не возвращался в страшный лабиринт и ни за что не послал бы туда ни одного нормального человека, даже если бы мог. У меня нет ни малейшего представления, кем или чем был старик, однако я повторяю, что город мертв и кишит всякой нечистью. Мне неизвестно, куда он подевался, и я отправился домой в чистые переулки Новой Англии, которые метут по вечерам благоуханные морские ветры.

Перевод: Людмила Володарская

2000 год